

А. М. ЛЮБОМУДРОВ

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА»
В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ (1994—2003)**

В начале 1990-х годов ученые Института русской литературы Российской академии наук В. А. Котельников, Ю. К. Герасимов, А. М. Любомудров разработали концепцию новой конференции, получившей название «Православие и русская культура». Идею одобрил и поддержал директор института, чл.-кор. РАН Н. Н. Скотов. К участникам первой конференции он обратился со словами: «Только вознесение помыслов к горнему, очищение души и дела праведные помогут одолеть окаянное в нашем времени. Дай Бог, чтобы рожденный Светлой Пасхой форум стал ступенью такого восхождения». После успешного первого опыта (весной 1994 года) конференция проводилась в стенах Пушкинского Дома ежегодно на протяжении десяти лет. Проходила она в пасхальные дни, и вскоре возникла традиция — открывать ее на десятый день после Пасхи. Так конференция получила второе, неофициальное название — «Пасхальная». «Светлое Христово Воскресение, главный праздник нашей Церкви, взывает и к сердцу, и к разуму. Пасхальной радости христиан сопутствует размышление о вере и мирских путях человека», — значилось в пресс-релизе.

Таким образом, после десятилетий идеологического запрета именно Пушкинский Дом стал первым российским научным центром, приступившим к академической разработке данной темы. Уже первые заседания привлекали необычностью, смелостью и новаторством. Еще за несколько лет перед этим невозможно было представить, чтобы научная конференция в академическом институте открывалась пением Пасхального тропаря, который дружно подхватывали

и участники, и гости. Под сводами «храма науки» звучали гимны храма Божьего, знаменую благодатный сдвиг в процессе воцерковления отечественного гуманитарного знания. В специальном буклете, посвященном Пасхальной конференции, говорилось: *«Органическая связь с Православием была присуща русской культуре на протяжении многих веков. Животворящий свет Евангельской истины просвещал и освящал все пласты русской жизни. С началом Нового времени пути Церкви и культуры разошлись: интеллигенция поддавалась соблазнам позитивистских и оккультно-мистических учений. Но лучшие представители отечественной культуры все же вспоминали о духовных опорах Святой Руси, устремлялись к ним, шли к старцам. Осмыслить эти взаимосвязи, наметить пути возвращения культуры в храм сегодня стремятся многие ученые».*

Вместе с тем, как видно из публикуемых ниже хроник, с самого начала конференция отличалась академизмом и глубиной разработки проблем. Благодаря этому она быстро приобрела авторитет и известность в научных кругах и позволила сказать новое слово об историческом взаимодействии Православия и русской литературы. Несмотря на праздничный характер, участники конференции были заняты словесным, умственным, духовным трудом, результаты которого принесли ощутимую пользу и науке, и образовательному процессу.

Ежегодно в ней принимали участие представители Церкви, ведущие ученые — философы, историки, филологи, богословы из десятков российских научных центров, а также из Франции, Италии, США, Финляндии, Венгрии, Польши. Среди постоянных участников — Михаил Дунаев и Иван Есаулов, Сергей Азбелев и Александр Казин, Владимир Колесов и Валерий Лепехин, Валентина Ветловская и Юрий Стенник, Валерий Петроченков и Симонетта Сальвестрони, Нина Буданова и Татьяна Мальчукова, Владимир Криволапов и Елена Анненкова, Виктория Захарова и Людмила Бронская, Виктория Белукова и Александр Моторин, Ольга Сергеева и Ольга Фетисенко. На десяти конференциях прозвучало 314 докладов, выступили 184 докладчика (в том числе 28 сотрудников ИРЛИ).

Понятие «культура» понималось в контексте названия конференции шире, чем только литература. Ежегодно на ней звучали доклады, посвященные и другим сферам культурного созидания — иконописи, церковно-певческому искусству, театру. Размышления о литературе, истории, религиозной традиции отличались широтой и разнообразием.

разием. Сохранение этой традиции именно в Санкт-Петербурге требовало особых усилий — здесь все, что составляло естественную традицию Руси, приживалось очень трудно. Петербург всегда был местом борьбы, в котором возникали инициативы, не только не имеющие ничего общего с христианством, но и откровенно враждебные ему. Задачу конференции организаторы видели в том, чтобы с помощью научной аргументации, живого слова и личного дела сопротивляться этим инициативам и отстаивать позиции традиционного Православия. Эпиграфом конференции стали слова Ф. Достоевского: «Кто не понимает (...) Православия (...) тот никогда не поймет и народа нашего».

Успешно решалась одна из главных задач конференции — углубление представлений о влиянии на литературу литургической и нравственной жизни Церкви, и, с другой стороны, о роли отечественной словесности в историческом движении Православия. Существенное внимание уделялось эстетике православной культуры, воплощению христианской идеи в словесной ткани произведения. В этих контекстах рассматривалось творчество Пушкина, Гоголя, Жуковского, Гончарова, Достоевского, Тютчева, А. К. Толстого, проза Владимира Крупина, поэзия Константина Романова и Николая Гумилева, религиозно-философская мысль Ивана Киреевского, Константина Леонтьева, Константина Победоносцева, Сергея Нилуса, Ивана Ильина и многих других деятелей отечественной культуры. Пристальное внимание уделялось наследию забытых и малоизученных духовных писателей Нового времени.

Несколько конференций носили более определенный тематический характер. Так, например, форум 1996 года назывался «Смерть и воскресение в русской культуре». Конференция 2000 года была посвящена 50-летию со дня кончины И. С. Шмелева, 2001-го — 120-летию со дня рождения Б. К. Зайцева. С этого времени ежегодно творческое наследие этих крупнейших православных писателей XX века, наряду с их младшими собратьями — С. Бехтеевым, Л. Зуровым, В. Никифоровым-Волгиным, А. Гессеном, освещалось в работе отдельной секции — «Духовный реализм в литературе русского зарубежья».

Организаторы конференции стремились к тому, чтобы историко-литературная конкретика получала и метафизический разворот, чтобы не терялся из виду тот онтологический горизонт, на котором находятся истинно христианские ценности. Ведь только когда постоянно присутствует памятование об ином, сверхприродном, художественное творчество получает перспективы своего развития, а ли-

тературоведческие, культурологические исследования — свой подлинный смысл. Поэтому к работе ежегодно привлекались философы и богословы, работали секции «Православие, религиозная философия и творчество», «Русские мыслители и Православие».

В. А. Котельников, открывая форум, не раз взывал к научной строгости, обоснованности всех суждений докладчиков, сдержанности, но в то же время призвал помнить о том, что не следует быть «интеллектуально благодушными», необходимо быть строгими и сильными в этом отношении. Должно существовать воинствующее духовное литературоведение, которому следует быть онтологичным и дальнзорким. А. М. Любомудров неустанно призывал коллег к большей терминологической точности, понятийной выверенности. Сегодня уже недостаточно просто констатировать «религиозность» писателя, но необходимо определить ее конкретный характер. Нужно отличать православную веру с ее системой вероисповедных истин, с закрепленными в догматах представлениями о Боге, мире и человеке от «общехристианских» воззрений, которые нередко ограничиваются лишь моральной стороной Евангельского учения. Исследователь предложил строгое определение терминов «христианский», «православный», «воцерковленный», обосновал понятие «духовный реализм» и его применимость к явлениям культуры. Ю. К. Герасимов неоднократно отмечал не только академический, но и просветительский характер форума, который представлялся уместным и необходимым в русле изучения русской литературы — ведь она таит в себе огромный массив неизученного. В то же время ученый подчеркивал, что Пушкинский Дом «не должен превращаться в институт либеральных размышлений на религиозные темы».

Каждая конференция сопровождалась открытием новой выставки в Литературном музее Пушкинского Дома. Э. С. Лебедевой и Е. Н. Монаховой при ближайшем участии зав. музеем Т. А. Комаровой были подготовлены выставки «Небо и земля. Картины петербургских художников», «Духовное чтение русских классиков», «А. С. Пушкин и Православная Россия», «Афон и русская литература» и др.

Однако культурно-историческая обстановка, в которой проходила конференция, отнюдь не была благостной. С самого начала своего возникновения она встретила сопротивление, и в том, что оно принимало подчас ожесточенный характер, не было ничего удивительного. Если сегодня знакомству с «основами православной культуры» столь активно препятствуют и в школьном, и в вузовском образова-

нии, — то ясно, что и академической науке не может быть позволено «безнаказанно» заниматься этим предметом. Недоверие к возможностям и необходимости научного изучения данной темы высказывалось неоднократно, но в то же время серьезной научной полемики не возникло: набор претензий и обвинений оппонентов оказался на редкость узок и носил выраженный идеологический оттенок. Из года в год использовался один и тот же прием: в Православии усматривали ту же идеологию большевизма, только по-новому окрашенную. «Все хорошо, вот только кажется, что многострадальная русская культура опять рассматривается и объясняется односторонне, — сообщал, например, по поводу очередной конференции 5 мая 1995 года 6-й канал петербургского телевидения. — Судя по всему, от коммунистических идеалов к христианским ценностям перейти очень легко...».

Дело не только в том, что для адептов плюрализма нет различия между ценностями богоборческой коммунистической идеологии и духовно-религиозными ценностями христианства. На самом деле в новой форме, под новыми лозунгами осуществляется давняя борьба Православия и его воинственными ниспровергателями. Характерны интонации запрета, окрика, компрометации по отношению к тем, кто отстаивает ценностный подход к явлениям культуры и противопоставит безоценочному релятивизму и фактографизму. На протяжении десяти лет журнал «Новое литературное обозрение» не обходит вниманием ни один из трудов Пушкинского Дома с христианской проблематикой. Желчные, пропитанные нескрываемой неприязнью отклики журнала ни в малейшей степени не являются научной полемикой — это своего рода идеологические акции по наклеиванию ярлыков и судилища над авторами. В советскую эпоху «литературоведение прислуживало марксизму, теперь — богословию» — так прокомментированы работы участников конференции, вошедшие в сборник «Христианство и русская литература» 1994 года (НЛО. 1995. № 16. С. 360). Неприятие вызывает сама попытка «подходить к объекту своего изучения... с религиозной, ценностной установкой» (Там же. С. 362). Не остались незамеченными и монографии организаторов конференции: В. А. Котельников подвергся разносу за книгу «Православная аскетика и русская литература», расцененную как «пропаганда оптинского добротолубия» (НЛО. 1995. № 14. С. 327), А. М. Любомудров — за труд о духовном реализме. Сам разговор о христианской духовности порождает неприязнь у постоянного рецензента «НЛО» В. А. Кошелева, для которого слова

о Духе Святом и Творце — предмет иронии, а желание опереться на «наследие святых отцов» вызывает саркастическую усмешку. Рецензент без колебаний совершает кощунственные операции, заменяя в рассуждениях исследователя «Бога» — «коммунизмом», а Церковь Христову — «руководящей ролью партии» (НЛО. 2004. № 70. С. 412—413). Агрессивность по отношению к тем, кто открыто позиционирует свою православную ценностную ориентацию, глумливые интонации ставят В. Кошелева в один ряд с деятелями журнала «Безбожник» и Емельяном Ярославским. Модальность подобных выступлений — именно запрет: одному из исследователей предлагается «оставить в покое русскую литературу», другому — не заниматься духовным реализмом, не пытаться говорить о Творце, иначе, мол, можно помереть «с натуги» — так то ли в шутку, то ли с угрозой завершает свой опус новгородский профессор. Впрочем, другой позиции трудно ждать от журнала, тяготеющего действительно к иным «ценностям» — вроде публикации словаря русского мата.

Таким образом, постоянные участники православного форума находились и находятся в состоянии острой полемики с теми, кто в материале, к которому обращается конференция, не видит предмета для научного изучения, с теми, кто высказывает недоверие к возможностям и необходимости изучения данной темы. Но доклады участников конференции, вся традиция ее проведения и собранные здесь хроники такие мнения убедительно опровергают.

Хроники ежегодно публиковались в четвертых номерах журнала «Русская литература». Лучшие доклады стали основой выпускаемых Пушкинским Домом академических трудов «Христианство и русская литература» (Кн. 1—5. СПб., 1994—2006) под редакцией В. А. Котельникова. В русле направления рассматриваемой тематики — и указатель «Христианство и новая русская литература XVIII—XIX вв. Библиографический указатель. 1800—2000» (СПб., 2003), составленный А. П. Дмитриевым, и Полное собрание сочинений и писем К. Леонтьева.

Публикуемая ниже сводная хроника докладов, прозвучавших на десяти конференциях, демонстрирует грандиозный вклад в исследуемую проблематику. Стремление к освещению жизни через слово всегда мыслилось русскими писателями высшей целью своего литературного творчества, осознававшегося как служение Творцу. Все более очевидно, что нынешний кризис в культуре связан с ее оторванностью от культовых корней. Выразим надежду на то, что конференции стали еще одним шагом на пути возвращения культуры в храм.